МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Ул. Кирова, 26/б Телефон 96-69
Вырезка из газеты КОМСОМОЛЕЦ ДОНБАССА
Сталино от 13 ИЮН. 41 г. Газета №

346

Образ Серго

БЕСЕДА С ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РСФСР, ДВАЖДЫ ОРДЕНОНОСЦЕМ С. Б. МЕЖИНСКИМ

Перед зрителями города Сталино я выступаю в спектакле «Евгения Гранде» в роли старика Гранде. О своем понимании этой роли я уже писал.

С осени я начну работать над ролью Наполеона в инсценировке «Война и мир» по Толстому. Сейчас я думаю об этой роли и мысли мои направлены к тому, чтобы по возможности избежать штампа и трафарета, которые привились на сцене при изображении Наполеона.

Актер всегда живет многими творческими планами. Его творческая жадность (качество ценное и действенное) всегда заставляет его желать играть как можно больше, в его воображении мелькают образы, которые ему хотелось бы воспроизвести на сцене. Среди образов, которые мне дороги и близки, и о которых я мечтаю особое место занимает образ Григория Константиновича Орджоникидзе.

Работу над этим образом я начал в картине «Чкалов». Много я сыграл в своей жизни ролей и больших и малых, но ни одна из них меня так не волновала, как небольшая по своим размерам роль Григория Константиновича. Она сразу же завладела всеми моими мыслями и чувствами.

Я разыскивал портреты Серго в редакциях московских газет и в моем распоряжении были более 100 редко встречающихся снимков. Я просматривал кинохронику, запечатлевшую для потомства облик пламенного революционера. Я слушал пластинки с записью его речей. У гримовального столика на кинофабрике «Ленфильма» стояли его скульптурные бюсты. Я тщательнейшим образом долго вглядывался в каждый штрих, в каждую черточку, в каждую морщинку лица Серго. Но вместе с тем я старался не быть в слепом плену только у фотографического сходства. Я боялся, что беспрестанное озирание только на фотографию могло бы сковать мою фантазию, свободу действия как художника.

Артист С. Б. Межинский в роли Серго Орджоникидзе в фильме «Чкалов».

Я полагал, что только аккуратное копирование внешнего сходства омертвит и засушит мое свободное пребывание в образе и проникновение в его существо. Я видел Серго таким, каким запомнили его трудящиеся нашей родины: страстным, темпераментным революционером-большевиком, до конца дней своих, до последнего вздоха преданным делу великой партии Ленина—Сталина.

Жизнерадостный, полный кипучей энергии, простой в обращении с людьми, человек большого сердца, любимый Сталиным, друг Кирова — таким видел, таким вынашивал я в своем сердце этот образ.

Картина «Чкалов» вышла на экран, а я все еще продолжаю часто сам произносить те слова, которые говорил в картине, мысленно беседуя с воображаемым партнером Чкаловым. Я нахожу новые интонации, по-новому двигаюсь, жестикулирую. Это значит, что внутренняя работа над образом Серго продолжает жить, это значит, что моя творческая потребность — опять работать над образом Серго. И я убежден, страстно хочу, чтобы в ближайшие месяцы работа эта конкретно началась в кино или на сцене. Это моя заветная актерская мечта.

Для себя лично я рассматриваю работу в картине «Чкалов», как начало, как первую пробу, как накопление красок, связанных с дорогим образом Орджоникидзе. Советские художники еще много и долго, упорно и самозабвенно должны работать над воплощением многогранного образа Григория Константиновича Орджоникидзе. Я счастлив, что своей работой в фильме «Чкалов» я внес свою скромную долю участия в творческую реализацию образа Серго.

Уже после выпуска картины «Чкалов» на экран, я встретился с верным другом и спутницей Серго — с Зинаидой Гавриловной Орджоникидзе. Я был в Кремле, в квартире, в которой жил товарищ Орджоникидзе. С огромным волнением я осматривал личные вещи Серго, я видел письменный стол, за которым он работал, блокноты с его последними записями. С благоговением я перелистывал страницы его тюремного дневника.

Зинаида Гавриловна рассказывала мне о жизни Серго. Все ее указания и советы я старался запомнить и сохранить, благодарный Зинаиде Гавриловне, за ее простой, сердечный и благожелательный тон. Часы, проведенные мною в квартире, где жил и трудился соратник великого Сталина, останутся самыми волнующими в моей жизни.

В городе Сталино, куда часто приезжал товарищ Орджоникидзе, его видели на заводах, шахтах, на собраниях, его помнят многие рабочие и инженеры. Для меня суждения о моей работе тех, кто знал, видел, слушал товарища Орджоникидзе, были бы чрезвычайно ценны и если они дойдут до меня, я постараюсь их учесть в моей дальнейшей работе, которую я жажду и добиваюсь.